

А.А. Тортика

ДОНО-ДОНЕЦКИЙ ТОРГОВЫЙ ПУТЬ И СЛАВЯНЕ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБОЕРЕЖЬЯ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

ТРАДИЦИОННЫМ в отечественной медиевистике стало утверждение о существовании в VIII–X вв. Донского, или Северскодонецкого, пути, связывавшего юг и север Восточной Европы и служившего для прохождения «потоков серебра», которое оседало в самом регионе, в бассейне Дона или Северского Донца, на Днепровском левобережье, затем на севере, а также в Прибалтике и Скандинавии.

Различные исследователи по-своему описывают этот маршрут, хотя и аргументируют свою точку зрения, как правило, на основе одного и того же достаточно ограниченного набора письменных, археологических и нумизматических источников.

Можно выделить несколько основных научных направлений, представители которых так или иначе оценивают режим функционирования торговых путей по Дону и Северскому Донцу, объясняя их существование активностью различных групп раннесредневекового населения Восточной Европы.

Еще в 1923 г. П.Г. Любомиров, на основе пяти кладов восточных монет, обнаруженных в бассейне Дона, предположил существование торгового пути, который вел из Хазарского каганата по Дону и Северскому Донцу к левобережным притокам Днепра, Пслу и Сейму, к Десне, затем ко Днепру и в Киев и после по Днепру на север, в Западную Европу [Любомиров 1923, 17]. Эта идея была поддержана в последующий период Ю.В. Готье, П.И. Ляшенко, А.Д. Гусаковым, в некоторой степени и Р.Р. Фасмером. Таким образом, торговый путь по Дону и Донцу рассматривался как транзитный, ориентированный не на торговлю с местным населением, а на вывоз дирхема в Балтийский регион и Западную Европу.

В дальнейшем эта идея получила определенное развитие, ее сторонниками были высказаны некоторые предположения о том, кто и с кем торговал на этом пути и в силу

каких причин развивалась эта торговля. Постепенно была сформулирована своего рода «славянская» гипотеза Доно-Донецкого пути. Реконструкции этого пути разнообразны и в обобщенном виде выглядят следующим образом: 1) купцы проникали через волго-донскую переволоку из Итиля к Дону или через Трапезунд, Черное море, Керченский пролив, Азовское море к Дону; 2) они поднимались вверх по Дону и через южные притоки Оки выходили к мордве и вятичам в бассейн этой реки; 3) торговали со славянами (вятичами) в районе верхнего течения Дона (городища боршевской культуры, Титчиха и т.д.); 4) из Дона выходили в Северский Донец, по Донцу поднимались в его верхнее течение, откуда переходили либо в верхние притоки Оки, либо в левобережные притоки Днепра; 5) торговали с северянами и вятичами – населением памятников роменско-боршевской культуры; 6) переходили на Днепровский путь и торговали там, в частности с северянами, радимичами и полянами, доходя даже до Киева.

Сторонники данного направления в большинстве своем считали, что основной целью купцов, торговавших по этому пути, были славянские племена Днепровского левобережья, при раскопках памятников которых были обнаружены как отдельные находки, так и клады куфических монет. При этом предполагалось наличие достаточно активного денежного обращения у славянских племен Днепровского лесостепного левобережья уже в конце VIII – в начале IX в. Делалось предположение о существовании у них развитого ремесленного производства, продукты которого и служили товаром, приобретающимся купцами за серебряные дирхемы. Этническое происхождение этих купцов предполагалось разным: в них видели и скандинавов, и восточных купцов (арабов, персов, евреев), и, собственно, самих славян.

В оценке роли славянских или даже славяно-русских купцов в организации торговли с восточными странами не обошлось и без откровенных преувеличений. По мнению В.В. Мавродина, древнерусское население уже в VIII–IX вв. испытывало сильное влияние востока, активно втягиваясь в восточную торговлю, которая продолжалась до X в. Русские жили в Итиле, осваивали (уже в то время) весь юго-восток Восточной Европы, и именно при их содействии осуществлялась торговля с населением Днепровского лесостепного левобережья. Здесь проявляется типичная для советской исторической науки середины XX в. тенденциозность этнической трактовки термина «ар-рус» арабо-персидских авторов. В данном случае русы воспринимаются как особое славянское племя либо как синоним, замещающий имя славян в целом. Несмотря на сохраняющееся сегодня разнообразие мнений, наиболее обоснованной и убедительной здесь представляется точка зрения Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина [Мельникова, Петрухин 1989, 24–38]. Русы, русь имеют смешанное скандинавское происхождение – это дружины гребцов, проникавших по рекам в Восточную Европу и постепенно, через несколько поколений, становившихся местными жителями [Тортіка 2004, 105–106]. Государственность на Руси возникает в результате синтеза восточнославянского городского населения и дружинной скандинавоязычной руси. Дружинное название «русь» постепенно распространяется на территорию всего государства, причем в первую очередь на те области, с которых ранее брали дань хазары и которые были у хазар отвоеваны [Петрухин 1995, 108–109]. Этот процесс, по хронологии древнерусской летописи, начинается не ранее походов Олега на северян в 884 г. и радимичей в 885 г. [ПВЛ 1999, 150] и продолжается вплоть до конца X – начала XI в. Еще в 945 г. в договоре Игоря с Византией дружинная русь достаточно определенно дистанцируется от остального населения «Русской земли».

Как отмечал А.Н. Насонов, территория «Русской земли» не была старой племенной территорией, так как на ней обитали поляне, северяне, часть радимичей и, возможно, часть уличей и вятичей. «Русская

земля», «Русь» определяется как политически господствующее над славянскими племенами территориальное ядро [Насонов 1951, 30–31]. В этой связи говорить о руси, русах арабо-персидских авторов как о славянах не представляется возможным. Тем более что на Левобережном Поднепровье и лесостепном Днепро-Донском междуречье VIII–IX вв. еще не было никакого русского, тем более славяно-русского населения. В принципе, скандинаво-русы могли совершать торговые путешествия по Северскому Донцу и левобережным притокам Днепра, однако нет особых оснований связывать их деятельность с местной славянской торговлей и уж тем более настаивать на регулярных торговых взаимоотношениях между славянскими племенами Днепровского левобережья и Халифатом в VIII–IX вв.

Реконструкция Волго-Донского пути, по В.В. Мавродину, выглядит следующим образом: «Торговля с мусульманским Востоком осуществлялась по Волго-Донскому пути, соединяющему систему Волги с Доном, Северским Донцом, Осколом, Сеймом, Десной и Днепром и характеризуемому обилием кладов восточных монет, по Ворскле, Суле и Пслу, соединенным через Донец и Оскол с Волгой. На путях к Дону (или с Дона), на Десне, от впадения Сейма, и по Днепру здесь, на Левобережье, группируется основная масса кладов восточных монет VIII–IX вв.» [Мавродин 1945, 135]. В.В. Мавродин считал, что уже в VIII в. все среднее течение Днепра было усеяно кладами восточных монет [Мавродин 1945, 180], что явно не соответствует действительности.

С аргументированной критикой этой идеи в 1954 г. выступила Г.Ф. Корзухина. Ее выводы базировались на том, что в VIII – первой половине IX в. в Среднем Поднепровье городов не было, ни одно из обнаруженных там поселений нельзя считать центром торговой и ремесленной деятельности. Кроме того, ошибочными, по ее мнению, являются представления как об отнесении известий арабских авторов о русах к Среднему Поднепровью, так и об обилии здесь кладов куфических монет VIII–IX вв. Весь комплекс сведений арабских авторов о русах связан, главным образом, не с Поднепровьем, а с Поволжьем.

Ни одного клада куфических монет, зарытого в Среднем Поднепровье в VIII в., не найдено. Всего на Левобережье известно 6 кладов IX в., монеты обнаружены далеко от Днепра и не образуют скоплений, а рассеяны поодиночке на большой территории Полтавской, Курской и Черниговской областей. Среди этих кладов, по крайней мере, три датируются концом IX, а то и началом X в. Соответственно, клады куфических монет появляются на Среднем Днепре в небольшом количестве и только в X в. Все вышесказанное опровергает мнение о широких торговых связях между Халифатом и Средним Поднепровьем, якобы существовавших в VIII–IX вв. Следовательно, как считает исследовательница, эти торговые связи проходили там, где и обнаружено наибольшее количество

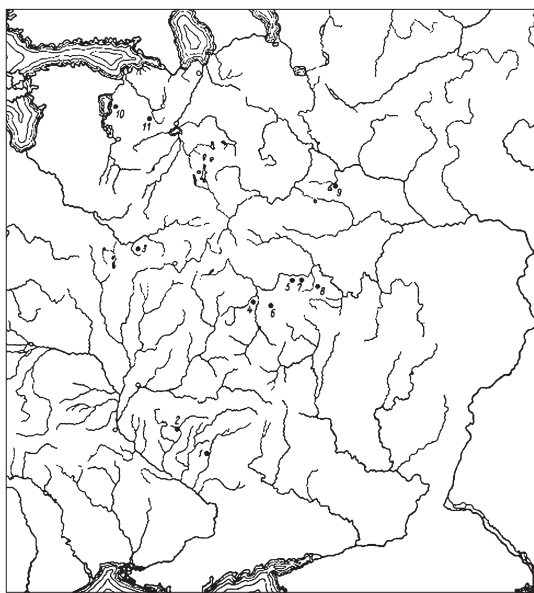

Рисунок 1. Клады IX – начала X в. на территории Восточной Европы (по Г.Ф. Корзухиной [Корзухина 1954, Карта 1]). 1 – Полтава, 1905 г.; 2 – с. Ивахники Лохвицкого уезда Полтавской губернии, 1905 г.; 3 – имение Суходрево Оршанского уезда Могилевской губернии, 1870-е гг.; 4 – с. Мишиново Лихвинского уезда Калужской губернии; 5 – г. Кашира Тульской губернии, около 1807 г.; 6 – близ с.с. Лапотково и Покровское Крапивенского уезда Тульской губернии, 1823 г.; 7 – с. Баскач Каширского уезда Тульской губернии, 1861 г.; 8 – с. Железницы Зарайского уезда Рязанской губернии, 1855 г.; 9 – с. Угодичи Ростовского уезда Ярославской губернии, 1914 г.; 10 – д. Узьмина Гдовского уезда Петербургской губернии, 1889 г.; 11 – д. Горки Лужского уезда Петербургской губернии, 1865 г.

кладов IX в., – на Оке и Волге, в верховьях Волги, в верхней части Волжского пути, на Ладоге и Волхове [Корзухина 1954, 34].

Выводы Г.Ф. Корзухиной подтверждаются и результатами более поздних научных исследований. В частности, Д.Т. Березовец в 1965 г. отмечал, что северяне в VIII–IX вв. находились на относительно низком уровне социально-экономического развития. По его мнению, только к началу X в. на всей славянской территории окончательно развиваются ремесла, появляется более или менее широкий внутренний рынок, товарный обмен. В VIII в. у северян еще нет ни городов, ни феодальных замков. Роменские и боршевские городища VIII–IX вв. представляли собой обычные общинные поселения с сельскохозяйственной экономикой, укрепленные в связи с внешней опасностью [Березовец 1965, 50; Рыбаков 1988, 108; Славяне... 1990, 316–318]. По сводным археологическим данным на 1984 г., среди известных в Среднеднепровском левобережье 127-ти укрепленных поселений с древнерусскими находками [Древнерусские поселения... 1984] ни одно не может считаться городом (в том или ином сочетании его признаков [Петрухин 1995, 167–168]) вплоть до начала X в. О.В. Сухобоков, посвятивший специальное исследование Днепровскому лесостепному левобережью в VIII–XIII вв., отмечает определенный социальный и экономический архаизм населения боршевской и роменской культур, связанный, по его мнению, с хазарским господством в этом регионе¹ [Сухобоков 1992, 56].

В 1978 г. в топографии нумизматических находок начального периода обращения дирхема (до 833 г.) В.В. Кропоткин упоминает 37 кладов, среди которых не указаны никакие новые находки на Днепровском левобережье. Большинство кладов этого периода по-прежнему связано с бассейнами Оки и Волги, Ладогой, Прибалтикой и т.д. [Кропоткин 1978, 113]. Авторы обобщающей работы «Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период» (Киев, 1990 г.) отмечают все тот же относительно небольшой набор находок арабских монет на левобережье Днепра. Исследователи оперируют находками из Донецкого городища, Райгородка, Змиева, Купянска, Великой Чугуевки, Верхнего Салтова.

Им известны три клада – из Новотроицкого городища (10 монет, младшая 818–849 г.), из Новых Млынов (80 монет, младшая 787/88 г.), из Ярыловичей (285 монет, младшая 820/21 г.). Все это не позволяет говорить о существовании развитого монетного обращения у населения данного региона. Монетные знаки в целом отсутствовали во внутреннем обращении местных племен [Славяне... 1990, 421].

Что касается рассказов арабских авторов о русах, то они весьма разнообразны и фиксируют этот народ, в зависимости от конкретной ситуации, в разных местах известного им мира. В частности – на Северном Кавказе, на торговых путях Восточной Европы, особенно на пути откуда-то «из страны славян», проходившем через Днепр, Черное море, Азовское море, Нижний Дон и Волгу [Ибн Хордадбех 1986, 124; Мишин 2002, 178; Новосельцев 2000 (1965), 292]. Известны русы и в качестве постоянных обитателей Восточной Европы, и как византийские наемники, нападающие на Испанию и т.д. [Бартольд 1963, 810–858; Новосельцев 2000 (1965)², 303–323; Коновалова 2000а, 202–226].

Г.Ф. Корзухина была несогласна с отождествлением Куйабы – одного из центров восточноевропейских русов арабских географов – и древнерусского Киева. В настоящее время у востоковедов нет особых сомнений в правомерности именно такого отождествления [Новосельцев 2000 (1965), 320; Коновалова 2000а, 218]. В то же время Г.Ф. Корзухина не ошибалась, когда отказывалась на основе этого сообщения признавать развитую восточную торговлю в Среднем Поднепровье в VIII–IX вв. Как отмечал А.П. Новосельцев, информация о трех группах русов у ал-Истахри, Ибн Хаукаля, анонимного автора «Худуд ал-‘Алам» и ал-Идриси восходит к написанному около 920–921 г. труду ал-Балхи «Карта климатов» [Новосельцев 2000 (1965), 313]. По всей видимости, эти сведения отражают современные данному автору исторические реалии конца IX – начала X в., и в этой связи нет особых оснований для того, чтобы экстраполировать существование разряда русов Куйабы – Киева на конец VIII – начало IX в. По мнению И.Г. Коноваловой, данные ал Истахри о Куйабе – Киеве, а именно упоминание лиц, ездящих в

Куйабу для торговли, и определение местоположения Куйабы относительно Булгара, должны свидетельствовать о наличии торгового пути, связывавшего Булгар с Киевом в первой половине – середине X в. Наиболее же интенсивно этот путь функционировал с начала XI и до середины XII вв. [Коновалова 2000б, 132; Путешествие Абу... 1971, 35–36, 109–110].

Собственно, древнерусская летопись свидетельствует о появлении руси Аскольда и Дира в Киеве не ранее 860-х гг. [ПВЛ 1999, 149]. Об участии этой руси в восточной торговле также ничего не известно. Основной целью ее военно-политических интересов была прежде всего Византия [Петрухин 2001, 140], о чем свидетельствуют сообщения Продолжателя Феофана о событиях 860 и 874 гг. [Продолжатель Феофана 1992, 84, 142]. Кроме того, согласно древнерусской летописи, название «русь» распространяется на часть Среднего Поднепровья только после захвата Киева князем Олегом и объявления его «матерью городов русских». Как отмечает В.Я. Петрухин, Аскольд и Дир владели не «русской», а «польской», т.е. полянской землей [Петрухин 1989, 29–30]. Таким образом, аргументация Г.Ф. Корзухиной, за исключением отмеченной неточности с идентификацией Куйабы восточных авторов, в настоящее время представляется весьма убедительной.

Тем не менее И.И. Ляпушкин, один из ведущих сторонников и соавторов гипотезы о торговле левобережных славян с Востоком в VIII–IX вв., основываясь на результатах археологических исследований Днепро-Донского междуречья (главным образом – памятников роменской культуры Днепровского левобережья), предполагал, что при содействии населения салтово-маяцкой культуры (СМК) славяне «получали в обмен на **свои продукты** (выделение – А.Т.) куфические монеты, а также всевозможные изделия из цветных металлов» [Ляпушкин 1968, 152]. Этот исследователь не исключал проникновения арабских купцов «по Дону, Донцу и левым притокам Днепра в область левобережья» [Ляпушкин 1968, 152]. По его мнению, этот путь возник раньше Волжского и функционировал уже в VIII–IX вв. Только с конца IX в. начинает играть важную роль

путь по Волге через Булгар, и связано это, прежде всего, с появлением печенегов в междуречье Днепра и Дона. Таким образом, исходя из концепции И.И. Ляпушкина, печенеги отрезали славян от восточной торговли, в результате чего последние (т.е. славяне) были вынуждены проложить новый путь – через Оку на Волгу и в Булгар [Ляпушкин 1968, 153].

В оценке роли торгового пути по Северскому Донцу с И.И. Ляпушкиным соглашается и М.Б.Свердлов. По мнению последнего, в древнейший период распространения дирхема в Восточной Европе (конец VIII в. – 833 г., по В.Л. Янину) клады располагаются следующим образом: 1) вверх по Волге к северу от Булгара к Мологе и Волхову; 2) вверх по Оке; 3) по Северскому Донцу и левым притокам Днепра. М.Б. Свердлов отмечает, что «клады, расположенные в верховьях Северского Донца и левых притоков Днепра, образовались, видимо, в результате местной торговли с районами салтово-маяцкой культуры, как справедливо полагает И.И. Ляпушкин» [Свердлов 1969, 541]. Следует отметить, что ни И.И. Ляпушкин, ни М.Б. Свердлов не рассматривали специально вопрос о том, была ли в принципе возможна такая торговля в тех исторических и экономических условиях, которые существовали в это время в указанном регионе. Никто из названных авторов не указал, были ли здесь вообще какое-либо товарное производство или добыча ценных природных ресурсов, служивших нуждам обмена. Если эта торговля все же существовала, то насколько она была регулярной, какие товары служили объектом этой торговли, кто был в этих товарах заинтересован в качестве покупателя. Наконец, помимо ссылок на очень небольшое количество кладов IX в., не было приведено никаких доказательств в пользу того, какой характер могла носить эта торговля, имела ли она товарно-денежное выражение или осуществлялась посредством натурального обмена.

В.П. Даркевич считает, что мусульманские купцы не позднее IX в. освоили путь из Черного к Азовскому морю и вверх по Дону. Исходным пунктом для них был Трапезунд. По его мнению, связи между Халифатом и Юго-Восточной Европой

с рубежа VIII–IX вв. не ограничивались только Хазарией. Точка зрения ученого во многом базировалась на высказываниях И.И. Ляпушкина: «Через земли салтовцев они простирались до Верховьев Северского Донца, Верхнего Дона, левых притоков Днепра – Десны с Сеймом, Сулы, Псла и Ворсклы. На роменско-боршевских городищах найдены ранние клады и много единичных куфических монет. В обмен на дирхеми или как дань хазарам роменцы, вероятно, поставляли меха. Лесостепь и южная половина лесной зоны благоприятны для организации пушного промысла. Здесь водились бобр, куница, лисица. Через посредство салтовцев и хазар меха вывозили в Халифат. Как транспортную силу использовали двугорбых верблюдов, караваны которых доходили до Киева. Не исключено, что в район роменско-боршевской культуры иногда проникали и арабские купцы. Отсюда их хорошее знание Танаиса как «славянской реки» (В.П. Даркевич имеет в виду сообщения Ибн Хордадбега, ал-Масуди и т.д.). С печенежским вторжением в Причерноморье в конце IX в. связи по Донцу между славянами лесостепи и народами Юго-Восточной Европы прервались» [Даркевич 1976, 146–147]. Через правые притоки Оки (Проня, Осетр, Упа, на которых найдены клады дирхемов) купцы попадали в верховья Дона, где в IX в. окское население вступало в контакт с салтовцами. Например, в состав зарайского клада входили ремешок наконечник салтовского типа и серьги с подвеской-стерженьком [Даркевич 1976, 153]. С рубежа VIII–IX вв. через территории салтовцев, входивших в состав Хазарского каганата, славянские племена Юго-Восточной Европы поддерживали связи с Прикаспийскими провинциями Халифата – Джурджаном, Табаристаном, Иранским Азербайджаном. Эти связи простирались до верховьев Северского Донца, Верхнего Дона и левых притоков Днепра [Даркевич 1985, 388].

Предположение о проникновении восточных, мусульманских купцов в области расселения восточнославянских племен было сделано И.И. Ляпушкиным (и поддержано В.П. Даркевичем) не только и не столько на основании одного нумизматического материала. Очевидно, что

куфические монеты могли использоваться в торговых операциях на территории Восточной Европы купцами разного этнического происхождения, прежде всего – русами, о чем свидетельствует, например, Ибн Фадлан³. По мнению И.И. Ляпушкина, одним из основных аргументов в пользу восточного, мусульманского, видимо, арабо-персидского происхождения купцов, торговавших на левобережных славянских территориях, является информация Ибн Русте (по Д.А. Хвольсону) о славянах [Известия о хазарах... 1869, 28–33]. Как считает И.И. Ляпушкин, эта информация настолько подробна и достоверна, настолько соответствует археологическим реалиям роменско-боршевской археологической культуры VIII–IX вв. (традиции домостроительства, погребальный обряд, вооружение и т.д.), что все это может свидетельствовать о непосредственном знакомстве и регулярных контактах представителей мусульманского мира с северянами и вятичами [Ляпушкин 1968, 152].

Как известно, данные Ибн Русте заимствованы из так называемой «Анонимной записки», авторство которой пока не установлено [Бартольд 1973, 524; Новосельцев 2000 (1965), 283–284; Мишин 2002, 50–53; Калинина 2003, 204]. Возможно, это был документ, составленный в государственной канцелярии одного из правителей восточных провинций халифата, своего рода отчет о военном потенциале, численности и хозяйстве тех или иных народов, интересующих мусульманский мир. Д.Е. Мишин рассматривает его как справочник или административное пособие, что и объясняет анонимность автора [Мишин 2002, 51]. И.Ю. Крачковский не исключал возможность связи этого текста с деятельностью Ибн Хордадбега или ал-Джейхани, имевших прямое отношение к почтовым ведомствам восточной части Халифата, которые, как известно, выполняли и некоторые шпионские функции [Крачковский 1957, 219–223]. Т.М. Калинина отмечает, что набор сведений «Анонимной записки» (ландшафт, дороги, города, торговля, экономика, вероисповедания, обычаи и т.д.) отвечает сложившемуся характеру описания земель, далеких от Халифата, в произведениях жанра «Книга путей и стран» [Калинина 2003, 205]. Помимо Ибн Русте,

сведения «Анонимной записки» с той или иной полнотой и точностью воспроизводят «Худуд ал-‘Аллам», Гардизи, ал-Бакри, ал-Марвази, Ахмад Туси, ал-Казвини и другие авторы [Мишин 2002, 51–53; Новосельцев 2000 (1965), 294–297; Калинина 2003, 204].

Рассматривая сведения «Анонимной записки» о славянах, А.П. Новосельцев отметил ряд противоречий в тексте этого источника, которые, по его мнению, могут быть объяснены тем, что «автор первоначального варианта получал информацию не об одном каком-то славянском племени, а о разных племенах, проживавших на разных территориях в различных климатических и иных географических условиях» [Новосельцев 2000 (1965), 299]. Новейший сравнительно-текстологический анализ этих данных, проведенный Т.М. Калининой, показал, что «географические сведения в «Анонимной записке» относятся к восточным славянам, тогда как известия о главах славян, скорее всего, говорят о Великой Моравии... Конкретные реалии быта и верований могут относиться к любым племенам славян. Следовательно, информация «Анонимной записки» имеет комплексный характер: здесь собраны сведения как о восточных, так и о юго-западных славянах, которых неизвестный автор не отделял друг от друга» [Калинина 2003, 216].

Выводы А.П. Новосельцева и Т.М. Калининой подтверждаются результатами археологического изучения славянских культур VIII–IX вв., памятники которых расположены как в лесостепной, так и в лесной зоне Восточной Европы [Приходнюк 2001, 106–107, III; Славяне... 1990, 259–261; Сухобоков 1992, 37]. Ко Днепровскому левобережью от самого Днепра до Дона и Оки и к Правобережью от Днепра до Карпат одинаково хорошо подходят ландшафтные характеристики земли славян: «Путь в эту страну идет по степям (пустыням?) и бездорожным землям через ручьи и дремучие леса. Страна славян – ровная и лесистая, и они в ней живут» [Новосельцев 2000 (1965), 294].

Для всех славянских культур от Карпат до Оки, как в лесостепной, так и на юге лесной зоны Восточной Европы, характерно преобладание жилых полужемляночных построек [Приходнюк 2001, III; Славяне...

1990, 266]: «В их стране холод до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погребца, к которому приделывают деревянную остроконечную крышу, наподобие христианской церкви, и на крышу накладывают землю. В такие погребца переселяются со всем семейством... В таком жилье остаются они до весны» [Новосельцев 2000 (1965), 295].

Представители всех славянских культур как Восточной, так и Центральной Европы, Нижнего Подунавья, Балкан до принятия христианства были язычниками [Рыбаков 1988, 196–251], которых в мусульманских странах, не вникая в особенности их мировоззрения, как правило, называли «маджусами», т.е. язычниками, огнепоклонниками: «И все они поклоняются огню» [Новосельцев 2000 (1965), 294]. В этот же период, в VIII–IX вв., для всех славян и многих их соседей был характерен обряд трупосожжения при погребении умерших [Рыбаков 1988, 101–110; Славяне... 1990, 275–279; Седов 2002, 550; Сухобоков 1992, 20–21, 36–42]: «Когда умирает у них кто-либо, труп его сжигают» [Новосельцев 2000 (1965), 294]. Зафиксирован этнографически и обряд тризны над могилой покойного [Рыбаков 1988, 120]: «И по прошествии года после смерти покойника берут они бочонков двадцать, больше или меньше, меда, отправляется на тот холм, где собирается семья покойного, едят там и пьют, а затем расходятся» [Новосельцев 2000 (1965), 294]. Все остальные признаки славянской культуры, перечисленные в «Анонимной записке», имеют общеславянский характер и не могут быть приписаны только одной славянской археологической культуре или

конкретному племени, названному в летописи. К числу этих общих признаков необходимо отнести: наличие укрепленных городищ [Приходнюк 2001, 111; Славяне... 1990, 263–264, 316], построенных для защиты от кочевников⁴ (по Гардизи); типичный для славян набор вооружения⁵ [Славяне... 1990, 244, 301–302]; изготовление хмельного напитка из меда; относительно небольшое, по сравнению с соседними кочевниками, количество домашних животных; разведение свиней [Славяне... 1990, 369–370]; набор музыкальных инструментов, одежда, брачные обычаи и т.д.

Такая оценка данных «Анонимной записки» о славянах не предполагает их конкретизации и приложения к одному из славянских племен, в том числе и к северянам, вятичам [Ляпушкин 1968, 152–153], киевским полянам или белым хорватам [Мишин 2002, 60]. Несмотря на отмеченную Д.Е. Мишиным подробность и живость рассказа о славянах – сакалиба [Мишин 2002, 59], по всей видимости, подобный набор фактов собирался в течение определенного времени и из разных источников. Кроме того, он был составлен цепью различных информаторов, знакомившихся с обширным славянским миром с разных сторон, в результате различных обстоятельств торгового или дипломатического характера. Таким образом, говорить о непосредственном и близком знакомстве представителей восточного (арабо-персидского) купечества со славянами Днепровского левобережья или Подонья, их постоянных и регулярных контактах, как это делал И.И. Ляпушкин, тем более еще в VIII–IX вв., не представляется возможным.

¹ Следует отметить, что с подобным утверждением был категорически не согласен А.П. Новосельцев: «...Полностью априорен тезис об отставании этих славян в своем развитии именно в силу их подчинения Хазарии» [Новосельцев 1990, 201].

² Ссылка дается на переиздание работы А.П. Новосельцева 1965 г. «Восточные источники о славянах и Руси VI–IX вв.», осуществленное в специальном выпуске сборника «Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г.» посвященном памяти этого выдающегося ученого, в 2000 г.

³ Ибн Фадлан следующим образом описывает жизнь и обычаи русов, которые ему пришлось наблюдать в Булгаре в 921/22 гг.: «На шеях у них (жен русов. – А.Т.) мониста из золота и серебра, так что если человек владеет десятью тысячами дирхемов (выделение – А.Т.), то он справляет своей жене один [ряд] мониста, а если владеет двадцатью тысячами (выделение – А.Т.), то

справляет ей два [ряда] мониста, и таким образом, каждые десять тысяч, которые он прибавляет к ним [дирхемам], прибавляют ряд мониста его жене, так что на шее иной из них бывает много [рядов] монист». Или: «Итак, он (т.е. прибывший для торгов купец рус. – А.Т.) подходит к большому изображению и поклоняется ему, потом говорит ему: «О мой господь, я приехал из отдаленной страны, и со мною девушек столько-то и столько-то голов и соболей, столько-то и столько-то шкур», – пока не назовет всего, что прибыло с ним из его товаров, – «и я пришел к тебе с этим даром», – потом [он] оставляет то, что имел с собой, перед [этим] бревном, – «итак, я желаю, чтобы ты пожаловал мне купца, **имеющего многочисленные динары и дирхемы** (выделение – А.Т.), чтобы он покупал у меня в соответствии с тем, что я пожелаю, и не прекословил бы мне ни в чем, что я говорю» [Ковалевский 1956, 141–142].

⁴ «И у них есть обычай строить крепости. Несколько человек объединяются, чтобы строить укрепления, так как венгры на них постоянно совершают нападения...» [Новосельцев 2000 (1965), 296].

⁵ «Оружие их состоит из дротиков, щитов и копий, другого оружия они не имеют» [Новосельцев 2000 (1965), 294].

ЛИТЕРАТУРА

- Бартольд В.В.* Арабские известия о русах // **Сочинения**. Т. 2. Ч. 1. Москва, 1963.
- Бартольд В.В.* Введение к изданию «Худуд ал-Алам» // **Сочинения**. Т. 8. Москва, 1973.
- Березовец Д.Т.* Слов'яни і племена салтівської культури // **Археологія**. Т. 19. 1965.
- Даркевич В.П.* **Художественный металл Востока**: Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. Москва, 1976.
- Даркевич В.П.* Международные связи (Глава 10) // **Древняя Русь. Город, замок, село**. Москва, 1985.
- Древнерусские поселения Среднего Поднепровья**: Археологическая карта / М.П. Кучера, О.В. Сухобоков, С.А. Беляева, Н.В. Блажевич и др. Киев, 1984.
- Ибн Хордадбех.* **Книга путей и стран** / Перевод с арабск., коммент., исслед., указатели и карты Н. Велихановой. Баку, 1986.
- Известия о хазарах, буртасах, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда Бен Омара Ибн-Даства** / Д.А. Хвольсон. Санкт-Петербург, 1869.
- Калинина Т.М.* Интерпретация некоторых известий о славянах в «Анонимной записке» // **Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 год**: Историческая память и формы ее воплощения. Москва, 2003.
- Ковалевский А.П.* **Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.** Харьков, 1956.
- Коновалова И.Г.* Восточные источники // **Древняя Русь в свете зарубежных источников**. Ч. 3. / Под ред. Е.А. Мельниковой. Москва, 2000а.
- Коновалова И.Г.* Пути сообщения в Восточной Европе по данным средневековых арабо-персидских авторов // **Древнейшие государства Восточной Европы**. 1998 г. Москва, 2000б.
- Корзухина Г.Ф.* **Русские клады IX–XIII вв.** Москва–Ленинград, 1954.
- Крачковский И.Ю.* **Избранные сочинения**. Т. 4. Москва–Ленинград, 1957.
- Кропоткин В.В.* О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // **Древняя Русь и славяне**. Москва, 1978.
- Любомиров П.Г.* Торговые связи Древней Руси с Востоком в VIII–XI вв. // **Ученые записки Саратовского ун-та**. 1923. Т. 1. Вып. 3.
- Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // **МИА СССР**. 1968. №152.
- Мавродин В.В.* **Образование древнерусского государства**. Ленинград, 1945.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // **Вопросы истории**, 1989, №8.

Мишин Д.Е. **Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье.** Москва, 2002.

Насонов А.Н. **«Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование.** Москва, 1951.

Новосельцев А.П. **Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа.** Москва, 1990.

Новосельцев А.П. **Восточные источники о славянах и Руси VI–IX вв. (1965) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г.** Памяти чл.-кор. РАН А.П. Новосельцева. Москва, 2000.

Петрухин В.Я. **К проблеме формирования «Русской земли» в Среднем Поднепровье // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 г.** Москва, 1989.

Петрухин В.Я. **Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв.** Смоленск–Москва, 1995.

Петрухин В.Я. **«Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // Древнейшие государства Восточной Европы: 1999 г.; Восточная и Северная Европа в средневековье.** Москва, 2001.

Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева; под редакцией В.П. Адриановой-Перетц: Изд. второе, исправленное и дополненное. Санкт-Петербург, 1999.

Приходнюк О.М. **Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н.е.).** Київ–Чернівці, 2001.

Продолжатель Феофана. **Жизнеописание византийских царей / Перевод, статья, комментарий Я.Н. Любарского.** Санкт-Петербург, 1992.

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) // Перевод с арабск., вступ. статья и примеч. О.Г. Большакова, истор. коммент. А.Л. Монгайта. Москва, 1971.

Рыбаков Б.А. **Язычество Древней Руси.** Москва, 1988.

Свердлов М.Б. **Транзитные пути в Восточной Европе IX–XI вв. // Известия всесоюзного географического общества. 1969.** Т. 101. В. 6.

Седов В.В. **Славяне: Историко-археологическое исследование.** Москва, 2002.

Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период / В.Д. Баран, Е.В. Максимов, Б.В. Магомедов и др. Киев, 1990.

Сухобоков О.В. **Дніпровське лісостепове лівобережжя у VIII–XIII ст.** Київ, 1992.

Тортика О.О. **Етносоціальна природа русів (росів, русі) за даними ранньосередньовічних авторів IX–X ст. // Историчний журнал, 2004, №10–11.**